

Ленинская сленга. — Алла-Ата. — 1990. — 29 сект.

СЫТ. ПОМЫТ. И ЭСТЕТИЧЕСКИ «ПОДКОВАН»

зритель Лермонтовского театра.
Уберите одно из трех условий —
и не будет ни зрителя, ни театра

В Лермонтовском — открытие сезона. По-старому, празднично. Но кому сейчас до праздничного, когда в магазинах пусто? Идем в рынок. Сколько, интересно, будет стоить билет в театр? Пачку сигарет, как сегодня, по нынешним ценам табачного дефицита? Бутылку молока — по прогнозам? Или шуток от ботаника в коммерческом ЦУМе?

Суетливо как-то, металитливо...

А главный режиссер театра (простите!) — художественный руководитель, это на 50 рублей дороже), Рубен Суменович АНДРИАСЯН, ждет именно талантливых зрителей. Не оценят дипломатично, хохотливо. Так, может, пойдем? Хотя бы из вежливости. И пусть уж он сам разберется, чем нас еще Бог обидел.

Для нас же — боглая праведка.

— Скажите, Рубен Суменович, существует ли театральные рейтинги? И какой он у Лермонтовского?

— Рейтинга нет. Но есть первое место во всесоюзном социалистическом соревновании. Там мы толпились на вторых-третьих местах, а за 1989 год вышли на первое.

— Должны же потомки знать, как вы выполняли производственные планы. Стало быть, вы те, первы в Союзе самые-самые, да?

— Слава богу, до вас никто еще не осмелился проинформировать искусство. Мне нравится один театр, вам — другой, а есть люди, которым интересен наш. Есть и талантливые. Понудят, удадутся держаться на плаву, хотя мы мало довольны тем, как нам это удается. Относительно общего фона — да, очевидно, что-то получается. Полегло на фон, так это называется.

— О театральном фоне сейчас говорят и пишут кик-то растерянно. В мире Михаила Саломеича Паниковского: «Я старый. Меня девушки не любят!» А зритель устало шлепает ногой. Почему, как вы думаете?

— Потому что в театр принято ходить мышиным. А мыться нечем. И хорошо бы сытый. С этим тоже проблема...

— А как вы собираетесь жить-выживать? Нападает, по зоркости моде, «дочерние» производства?

— Кооператоры оскаблены: открыто то, что есть в театре — пространство. Если не для фермы, то уж для индустриальной твиста, или магазинчика.

— А что, очень трудно, особенно если дефицитным разнится. Косметикой, например, книжкой, пластинкой...

— До последнего буду стоять, чтоб этого не было! Или театр — или Дом культуры. Или комбинат по духовному обслуживанию населения. Точнее, душевному.

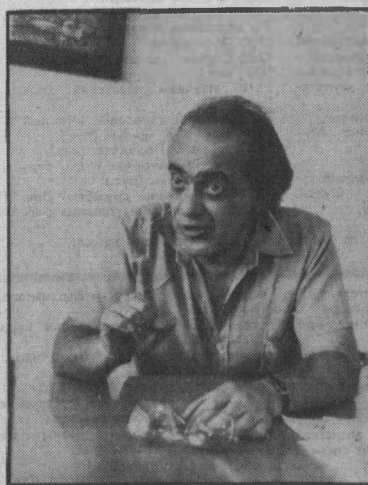
— Вам нравится работать в таких условиях? Когда даже театральные фестивали называются отчужденно: «На обочине».

— Наверное, время, в которое мы живем, очень интересное. Но вот Монтегги говорит: «Нет ничего опаснее, чем жить в интересное время».

Театру необходима общая духовность жизненной атмосферы. Что совершенно отсутствует сегодня. Проблемы, которые раздражают общество, достаточно жестко отталкивают от духовности. Раскультированное время... Ведь об эту ступень Губкино бьется. И Дмитрий Сергеевич Лихачев. Отменили «обязательную», понуждение, а необходимостью в нашей жизни культура не стала. На нас — я ощущаю — то себе, по социальным своим — все больше нависает ощущение ненужности. Раньше, может быть, и не лучше было, но было... видимость нужности. «Занимались» нами различные руководители. Но вот с 1 января 1987 года мы независимы. Никто не навязывает репертуар, никто не корректирует наши планы. Наконец-то сами отвечаем за то, что делаем. Не «ядишь» принимаешь спектакль, а мы чешем в затылки: надо ли это показывать зрителю? Грех, культя время. Но!

— Динабулские гастроли вспоминаете?

— Они как раз совпали с пятиминутной производственной забастовкой работников культуры. Мы приехали, и... нас никто не встретил, уже расселись в гостинице. Выросло в огромную проблему. Ладно, не надо приема у первого секретаря обкома, важного знакомства с

театром, с тем, чем живет общество. Мы не представляем, чтоб распространять билеты. Но элементное внимание к приезде академического коллектива? Ведь на каждый день случается. Никому до нас не было дела. Не нужны мы были! Как и свои театры, плачевное состояние которых давно известно? По этому поводу я очень злые слова произнес в адрес областного руководства. А потом мы пять минут помолчали. Было жуткое одиночество сцены и зала. Зал отличал нас поплыв...

— Я, кажется, тоже: театру нужны энергичные спонсоры!

— Меценаты? Это необходимо для искусства. И он имеет смысл. Простейший пример. Баварский театр, он приезжал в Алма-Ату, зарабатывает в год 6 миллионов марок. Датация получает в пять раз больше, 30 миллионов. То есть годовой бюджет театра — 36 миллионов, 80 процентов идет на оплату труда. Наша дотация — 350 тысяч рублей. А зарабатываем мы 400—450 тысяч в год. Сравните не деньги, соотношения дотации и заработка!

Почему так? В Штатах, если театр окулает себя на 49 процентов, он уже

рентабельный. 51 процент — это федеральные взносы, спонсоры. Там выгодно вкладывать деньги в искусство: скопятся за это налоги. Я думаю, многие наши предприятия, кооперативы с удовольствием стали бы меценатами, если б это учитывалось, как во всем цивилизованном мире, наша налоговая система. Сейчас в республике готовится Закон о культуре. И если он учтет это, опромножимо спадет с шеи государства.

— Вы участвуете в подготовке Закона?

— Нас привлекают. Высказываем свои добрые пожелания. Что из этого выйдет, увидим в сессии. В Союзе, во всяком случае, эта идея не прошла.

— Думаем, наш парламент поможет театру сохранить достоинство в коммерческих бурях рынка?

— Хотелось бы. Все-таки при всех свободах от нищеты у нас не свободен пока никто.

Все парадоксы на контрфакты, это верное дело. Но как расторгнуть его, если у актрисы на руках ребенок? Я спросил баварского коллег: поднимается у него рука? «Запросто», — был ответ. — Потому, что у него ува-

ленный актер 24 месяца получает пособие от государства в размере средней заработной платы. И за это время либо находит новую работу, либо меняет профессию.

А какая у нашего актера ставка? 150 рублей. И никаких социальных гарантий. В институте упал конкурс: на 1 место претендуют 10 девочек и... полтора мальчика. Недавно в магазине продавец выругался: «Артист-с!» А я ей: «Продавщица!» Зря смеется. Это же социальный статус актера в обществе.

В театре сегодня 185 человек. 47 творческих единиц, а в раз больше — обслуживающий состав. Содержит его, как вы понимаете, не муниципалитет. И не у него, а у директора нашего голова болит о ремонте, плате за свет, воду. Недавно ему учились разное по телефону: двор не убран, порядка нет, безобразия! «Я понимаю, что порядка нет», — соглашается он, — но почему вы с театра начинаете?»

— А спектакль — это дорогое удовольствие!

— На сцене все должно быть... хотя бы не безобразно. А лучше просто красиво. Нужны материалы. Но нас по прямому договору отправляют в Японию. И с металлом — беда. Иран — особая статья. Вот говорят, поветрие пошло выпустить на сцену раздетых актрис. А мне одевать их нечем! Взял сейчас западную песню — самоубийство. Как я дотряну до их уровня дизайна? Раньше пять-шесть тысяч заваляло на декорации, костюмы и спектаклю. А сейчас... Во-первых, это аттракцион, а во-вторых, всего этого нет.

— И экономисты, и астрономы просят потерпеть до 1993 года.

— Знаете, в чем разница между пессимизмом и оптимизмом? Пессимизм говорит: «Вселенная быть не может». А оптимизм: «Может, может». Так вот я — оптимист. И то, что ближайшие годы для нас будут очень сложными, — бесспорно. Чем хуже обществу, тем хуже театру. Выживает ли он? Для меня это не вопрос. Театр — выживал всегда. И всегда выживали люди, которые будут ходить в театр, потому что им это жизненно необходимо. Может, меньше, чем сейчас, но будут. Таких у них физиология.

— Вы своим зрителем довольны? Не обижает его, так сказать, централизм: восторг зрителей, важный, но московский театр! И то, что сегодня острое надо если не на сцене, то зреть бы на «зрелище» дня. В общем, предпочитают общественную публику?

— Всегда хочется, чтоб зритель был толще. В спектакль вкладывается очень много, он нашингиван больно, нервными, бессонницей. И

чем талантливее зритель, тем богаче, а в итоге, сам спектакль. Взаимодействие очевидное. Публика в Алма-Ате очень разная. Есть одна большая странность: не идет русская классика. Независимо от уровня спектаклей популярности они не пользуются. Западная классика — с удовольствием. Надо очень плохо постараться, чтобы зритель не пошел. А русскую не принимают. Загада.

Мне нравятся студенты, причем я замечаю, что гуманитарии, как ни странно, мыслят схематичнее, чем политехники. Казалось бы, наоборот. Но «политики» больше понимают, больше «вечают» в спектакле. Надеюсь, мне простят эти претензии. При молчании, холодном зле, скудно жить. Но мы ведь еще травмированы гигантоманией: зал на тысячу мест, который душит актеров, спектакли — «полотна», гигантская труппа...

— «Академия» не боится конкуренции маленьких театров — студий!

— Чем больше театров, тем интереснее. Вон в Белоруссии извели волосы, так у них стали вымывать зайцы.

— В прежние годы режиссер был специалистом по всему тому, что в пьесе между строк. Вы ставили спектакли, разоблачали в них и я, зная. А в новом сезоне — «Посланиями молчалива» Г. Горки по мотивам Шолома Алейхана, «Поэма о любви» — знаменитая «Козы-Корпеш и Баян Сулу» Г. Мурзипова...

— Выбирали мы не «твержки», а то, что отзывается в нас. «Молитву» я ставил не о еврейском вопросе, инородцах и черте оседлости. Если хотите, о Нагорном Карбахе. И «Козы-Корпеш» в нашей ситуации тоже остро звучит. Ну, никому еще размежевание добра не принесло. Моему народу, и коммунистам тоже. Ласта кровь! Театр сегодня должен быть социальным, это я понял, и вы поймете, придет к нам. Спрос на такой театр сегодня есть.

— Какой самый большой секрет у Лермонтовского театра?

— О репертуаре не буду. С худсоветом еще не определились, на ходу, хотя они, потому, как члены Политбюро, говорят, что война в Афганистане была для них новостью.

— Тогда скажите о своем театре такое, чего не знает никто.

— Никто не знает, почему он Лермонтовский. За что ему дали такое имя.

— Если случится невероятное, и театры закроют, что будете делать?

— Кроме театра, я умею жарить шашлык. Больше ничего не умею.

— Что ждет Лермонтовский театр?

— А что ждет всех нас!

Вела интервью
Л. ГЕРЦИЙ
Фото Ш. Иманова.